

УДК 882–31(091)

К.Л. Киселев

К проблеме типологии характеров в творчестве Леонида Леонова (на материале романов 1950–1990-х годов)

В науке о литературе существует немало количество типологических обобщений, так или иначе раскрывающих своеобразие творчества писателя, художественного направления или течения, литературного процесса определенной эпохи и т.д. Стремление к обнаружению сходных черт, признаков, фактов вместе с тенденцией к разграничению разнообразнейших явлений литературно-художественного творчества вполне объяснимы: подобная диалектическая направленность литературоведческих исканий, составляющих основу типологического метода, позволяет глубже проникнуть в суть исследуемых объектов, шире и многогранней представить литературно-эстетическую данность.

Труды, посвященные типологии характеров [1; 2], также базируются на понимании тесной взаимосвязи обобщения и разграничения. Обобщающий момент исследования неизменно выражен в поиске тех принципов и начал, которые кладутся в основу творческого метода писателя, в выявлении его

взглядов на окружающий мир и человеческую личность, в изучении поэтической структуры отдельных произведений и единых форм образного выражения действительности. На их основании ученые переходят к разграничительному моменту, а именно, классификации характеров, то есть процессу типологизации. В своей работе мы и будем придерживаться традиционной в литературоведении методологии, сообразуясь со спецификой предмета нашего исследования, а именно, творчества Леонида Леонова 1950–1990-х годов (романы «Русский лес», «Вор» (2-я редакция), «Пирамида»).

Целью данной статьи является исследование характерологии послевоенных романов Леонова в типологическом аспекте, утверждение общих принципов классификации характеров в творчестве писателя, а также теоретическая разработка понятия «сверхтип».

Типологизация характеров – процесс, зависящий от ряда факторов. К ним мы можем отнести творческую целеустремленность писателя, степень «активности» («пассивности») авторской позиции, стилевые особенности произведений. Так как все эти компоненты литературного творчества строго индивидуальны, находятся в ведении художника, а следовательно, у каждого писателя *свои*, то и процесс типологизации в каждом отдельном случае будет осуществляться по-разному, на основании различных критериев.

Невозможность построения общей схемы типологизации характеров, которая бы позволила на один манер классифицировать характерологические типы в произведениях разных художников, не означает невозможности утверждения однородных принципов исследования «внутри» творчества конкретного писателя. Более того, установка на однородность теоретических принципов просто необходима, чтобы предотвратить возможную путаницу, достичь сопоставимых результатов, многосторонне исследовать систему характеров в типологическом аспекте.

В качестве основы типологизации характеров в романах Л. Леонова 1950–1990-х годов мы выдвигаем следующие *принципы*: а) общность доминантной черты характера (либо совокупности черт), проявляющейся в отношениях между героями; б) близость авторской оценки персонажей, принадлежащих к одному типу; в) степень «участия» («неучастия») в «великой и бессмертной реке» народной жизни, то есть связь героев с народом, его нуждами и потребностями, г) единство средств художественного изображения характеров в рамках определенного типа.

Данные принципы учитывают наиболее значимые критерии классификации характеров в творчестве Леонида Леонова. Первый и главный из них соотносится с жанровыми особенностями прозы писателя, романная характерология которого направлена на «отражение мира во взволнованной человеческой душе» [3], на исследование человеческой психологии, а также со спецификой типизации характеров в произведениях Леонова, связанной с заострением ведущих психических качеств личности. Второй принцип свидетельствует об активности авторской точки зрения на героев, ортодоксальности нравственно-этических убеждений Леонова. Третий отражает мировосприятие писателя, базирующееся на его близости к народным идеалам, искренней боли за судьбу Родины. Соприкосновение с жизнью народа вскрывает, по Леонову, истинные качества человека, и каждый персонаж писателя отмечен своим «участием» (или «неучастием») в народных деяниях. Наконец, четвертый принцип относится к категории стиля и направлен на изучение общих средств поэтики в изображении персонажей той или иной характерологической группы. Все они раскрывают определенные грани леоновской характерологии, но только учет *совокупности* отдельно взятых критериев способен дать наибо-

лее точное представление о классификации характеров в послевоенных романах писателя.

Непосредственное рассмотрение проблемы типологии характеров в прозе Леонида Леонова стоит предварить небольшим, но, на наш взгляд, необходимым замечанием. Любой художник слова старается как можно полнее охватить объективную действительность, глубже и тщательней проанализировать феномены человеческого бытия. Но как бы талантлив ни был писатель, он не может дать всеобъемлющего изображения человека, многочисленных жизненных процессов и явлений. И дело здесь не только в неисчерпаемом богатстве жизни при, в общем-то, ограниченных возможностях искусства в ее познании. Просто у каждого писателя свой взгляд на мир, на важность тех или иных его элементов, «каждый писатель любовно возделывает свою ниву жизни и именно на ней стремится достичь законченного художественного совершенства и настоящей глубины» [1, с. 20]. Желание «возделывать свою ниву жизни» выражается, прежде всего, в специфике показа человека, в обрисовке характеров, подчеркивании различных его сторон. Результатом становится исключительное многообразие подходов к типизации характеров в литературно-художественном творчестве, а следовательно, и огромное количество созданных писателями типов.

При всем богатстве художественных типов в творчестве любого значительного художника слова большинство из них принадлежат к общности высшего порядка – сверхтипу. Понятие «сверхтипа» впервые ввела в литературный обиход Л.М. Лотман в работе «Реализм русской литературы 60-ых годов XIX века (Истоки и эстетическое своеобразие)» [4]. Анализируя статью И.С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот», исследователь представила сверхтипы, или метатипы, как образы, имеющие мировой, всеобъемлющий характер, как универсальные модели психологического поведения человека, что на современном этапе развития литературоведения соответствует понятию «архетип»: «Архетип (archetypus – первообраз) – обозначение наиболее общих и фундаментальных изначальных мотивов и образов, имеющих общечеловеческий характер и лежащих в основе любых художественных структур» [5]. В нашем исследовании, представляющем собой классификацию характеров творчества Леонова, семантика термина «сверхтип» несколько модифицируется. Понятие «литературного сверхтипа» в творчестве отдельно взятого писателя определяется нами как группа персонажей, проникнутых общим восприятием жизни и осознанием своего места в ней, единообразием целей, а также воплощающих одну из сторон авторской концепции действительности.

Художественная практика критического реализма XIX века утвердила тенденцию к дихотомии системы характеров, к биполярности сверхтипов в творчестве писателя. В произведениях классиков литературы окружающий мир выступает некоей ареной, на которой сталкиваются люди с теми или иными духовными качествами и жизненными устремлениями, противоположными по своей сути. Процесс нахождения типов, обладающих «наибольшей степенью обобщенности» [2, с. 4], как и процесс типологизации в целом, непосредственным образом зависит от указания писателем, согласно Тургеневу, «концов... оси, на которой вертится» [6] «природа» людей, человеческая жизнь, от авторского видения мира. При традиционности и универсальности сверхтипических систем, противопоставляющих «сердце» и «разум», «дело» и «мысль», мечтательность и практицизм и пр., каждый писатель в своем творчестве в той или иной степени акцентирует одну из них. Выделение «коренных особенностей человеческой природы» [6] полностью находится в компетенции писателя и определяется пафосом его творческой деятельности, той «идеей-

страстью», по Белинскому, которой пронизан каждый момент литературного произведения, отражая сознание художника как личности.

К примеру, в творчестве Л.Н. Толстого представлен антагонизм внутренней жизни и жизни внешней, рациональной, опирающейся прежде всего на доводы рассудка. Толстой полагает, что бытие души – единственное, ради чего стоит жить *миллионам*, то есть человечеству. Этот тезис Левина воспринимается как своеобразный итог сложнейшей духовной биографии писателя. Поэтому, сводя лицом к лицу персонажей, по-разному понимающих свое предназначение на Земле, а следовательно, отличающихся моделью общественного поведения, – людей «*души*» (так называемый «центральный толстовский герой») и людей «*разума*» (Андрей Болконский, Делесов, Каренин) – Толстой отдает однозначное предпочтение первым. «Душевное» бытие Пьера Безухова, Константина Левина характеризуется обращенностью к народу, слиянием с ним. Единство с народом – необходимое звено в поиске истины, апофеоз нравственного развития героев Л.Н. Толстого.

В произведениях Ф.М. Достоевского акцентируется противостояние *персоноцентризма и социоцентризма*. Писатель видит источник несовершенства мира в стремлении людей удовлетворить *свои* запросы и потребности, в возможности переступить через нравственный закон, через другого человека во имя собственного *я*. Индивидуалистичны персонажи-идеологи Достоевского: Раскольников, Версиков, Верховенский и другие. Заботятся лишь о себе «страстные» герои – Настасья Филипповна, Митя Карамазов, Грушенька. Миру персоноцентризма Достоевский противопоставляет идеал объединения всех людей «во Христе», под знаком православия.

Ближайший последователь творческого метода Достоевского в XX веке Л.М. Леонов продолжил идейно-философские искания своего великого предшественника. Образы, созданные Леоновым, во многом близки образам Достоевского по эмоциональному накалу, идейной противоречивости, глубинной тяге к идеалу. Прослеживая судьбы открытых Достоевским социально-психологических типов на материале советской эпохи, Леонов по-новому переосмысливает дихотомию «*персоноцентристы*»–«*социоцентристы*». При несомненной религиозности Леонида Леонова, противостояние индивидуалистов и коллективистов писатель интерпретирует как противостояние, прежде всего, этических установок, выяснение нравственного стержня героев. Леонов предполагает, что только «единство целей, ради которых народам нужно, не теряя каждому своего лица в мире, бывшие распри забыть и объединить помыслы и усилия» [7] поможет спасти человечество. Желание не получать, а отдавать ставится Леоновым в основу бытия, гармонического развития мира. В то же время в разговоре с Н.А. Грозновой писатель подчеркивал: «Я не верю в одиночные понятия: гармония, счастье. В них я вижу шантаж, я их боюсь. Гармония живет только тогда, когда есть дисгармония» [8]. Таким образом, Леонов утверждает разнополюсность мира, противоположность духовной деятельности людей.

В публицистических выступлениях, интервью, художественных произведениях (посредством голоса повествователя и передоверенных героям авторских мыслей) Л. Леонов неоднократно указывал на правомерность выделения персоноцентристов и социоцентристов в качестве двух основных сверхтипов его творчества. Конечно, высказанное в «Русском лесе» суждение повествователя о том, что «радость отдавать себя людям неизмеримо выше радости брать с них и *что именно на эти категории делятся все люди без изъятия*» [9] (курсив наш. – К.К.), в некоторой степени условно. Однако оно дает возможность определить отправные пункты при типологизации характеров, стать опорой при разделении всех персонажей писателя на характерологические сверхтипы.

Условность, нечеткость данного тезиса состоит в том, что ни одно жизненное явление не существует в максимально чистом, беспримесном виде. Эгоистические побуждения, равно как и альтруистические порывы, встречаются у персонажей обоих метатипов. Важно, какое свойство преобладает в герое, является доминирующим, составляя ядро личности.

Сверхтипы – «широкие» образования, включающие в себя самые разнообразные по своим индивидуальным проявлениям характеры. В процессе классификации эти единства высшего порядка разбиваются на более мелкие группы, которые конкретизируют определенные свойства сверхтипического признака. В романном творчестве Леонова 50–90-х годов каждый из сверхтипов мы разделяем на три характерологические группы. В разряд *героев-социоцентристов* входят:

1) *«Пассионарии»*: Вихров, молодежь «Русского леса», партийные руководители Крайнов и Арташез («Вор»). Согласно концепции Л. Гумилева, *«пассионарность»* – это характерологическая доминанта, непреодолимое внутреннее стремление... к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной)», причем «цель эта представляется пассионарной особи иногда ценнее даже собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников» [10]. Герои-«пассионарии» полны деятельного оптимизма. Смысл их существования состоит в бескорыстном и действенном служении *социалистической* Родине. Они верят, что каждый человек может и должен способствовать улучшению жизни, построению ее на основе «разумной справедливости» [9, с. 302]. Авторская оценка персонажей «пассионарного» типа достаточно двусмысленна. Леонову импонирует твердость мировоззренческих принципов и позиций героев, поистине неисчерпаемая духовная сила, призванная изменить мир, нарушить «временное равновесие» [9, с. 519] в сторону полюса добра. В то же время писатель иронически подчеркивает априорность целей «пассионариев», стихийность их «прорыва к грядущему», утопичность идей о совершенном во всех отношениях государственном устройстве, нравственных истинах в последней инстанции. При этом образы «пассионариев» послевоенного творчества Леонова выгодно отличаются от широко представленных в романах 1920–1930-х годов «новых людей» (Увадьев, Потемкин, Черимов, Павел Рахлеев), которые верят в прогресс, основанный на жестокости к человеку во имя эфемерного счастья в Будущем, своей деятельностью принося беды и разрушения.

2) *«Рефлектирующие»* герои: Матвей и Вадим Лоскутовы («Пирамида»). То, в чем незыблемо уверены герои «Русского леса», подвергается «рефлектирующими» сомнению и тщательному анализу. Сопереживая трагическим событиям века, людским страданиям, Лоскутовы осознают бесплодность попыток повлиять на ход истории. Их бытие – напряженный диалог с собой и временем, прошлым и будущим, дьяволом и Богом, в котором они пытаются найти ответ на вопрос: как выжить человечеству, с неумолимой скоростью приближающемуся к «возрастному эпилогу»? Сознание «рефлектирующих» героев пронизано катастрофизмом. Глубокий анализ человеческой истории дает им основание предполагать, что современный мир вступил в критическую фазу планетарного развития. В своих тягостных пророчествах «рефлектирующие» оказываются одиноки: слишком велик запал современников, безраздумно строящих «прекрасный новый мир».

3) *«Жертвенный» тип* персонажей: Таиска Вихрова («Русский лес»), Санька Бабкин, Таня Векшина («Вор»), Дуня Лоскутова («Пирамида») и др. Главное свойство натуры героев «жертвенного» типа – способность полностью отдавать себя другим людям (часто – одному человеку). Эволюция данного типа идет по пути глобализации масштабов жертвенности, усиления тра-

гического пафоса жизни героев: попытки персонажей «Русского леса» и «Вора» помочь «сотворенным кумирам» так или иначе имеют шансы на успех, мечты же Дуни Лоскутовой отмолить у Бога грехи человечества, заставить людей вернуться к истокам, к духовной чистоте обречены изначально.

Типология *персоноцентристов* включает в себя следующие группы:

1) «*Мелкие люди*»: Грацианский, Чередилов («Русский лес»), Чикилев («Вор»), Гаврилов («Пирамида») и др. Их объединяет духовная ущербность, закомплексованность, уязвленность собственной бесталанностью, зависть к способностям и успехам героев-личностей, приспособленчество и нравственный релятивизм. Образы «мелких людей» несут огромный обобщающий смысл, перерастая в символы социальных явлений («грацианщина», «чикилевщина»), которые стоят на пути любви, таланта, творчества и, тем самым, подрывают духовное здоровье нации.

2) «*Железные*» герои: Векшин, Вьюга («Вор»), Юлия Бамбалски («Пирамида»). Духовная составляющая персонажей данной типологической общности проявляется в дефиниции-метафоре. Героев отличает исключительное равнодушие, «железность» по отношению к окружающим, устремленность в себя, направленная на разрешение личных душевных страстей и оправдание собственных неблагоприятных поступков. При этом «железные» обладают незаурядной волей, способны добиваться определенных целей, не брезгуя любыми средствами. Изображая характеры «железных» героев, Л. Леонов подспудно выстраивает малоутешительную цепь достигнутых и предполагаемых результатов гипертрофированного эгоцентризма, берущую начало от поражения на сокровенном уровне личности и завершающуюся падением цивилизации, Апокалипсисом.

3) «*Собственники*»: Кнышев, Василий Золотухин («Русский лес»), Заварихин («Вор»). Психологический стержень героев этой группы – корыстолюбие, жажда власти, полновесного обладания чем-то или кем-то.

Монологическая природа дарования Леонида Леонова позволяет четко расставить акценты в пристрастиях писателя, его этических предпочтениях. Если к персонажам-социоцентристам писатель относится с сочувствием и теплотой, то действия и поступки персоноцентристов часто сопровождается негативная коннотация. В подобном распределении писательских симпатий заключена народность Л.М. Леонова. Для русских людей издревле высшей ценностью почиталось служению общему делу, соборность, и Леонов, будучи глубоко национальным писателем, без колебаний утверждает примат коллективного нравственного идеала над индивидуалистическим. В философском плане Леонов следует за С.Л. Франком, Н.Ф. Федоровым, отцом Сергием Булгаковым и другими русскими мыслителями конца XIX – начала XX века, считавшими так называемое «мы-мировоззрение» «глубоким национально-русским» [11], доминантой восточно-славянского менталитета.

Проблема типологии характеров в творчестве Л. Леонова усугубляется спецификой самого предмета. Характер – категория «текущая», во многом, незавершимая в произведении, как потенциально неокончательна, способна на качественное изменение любая человеческая личность. Характер героя никогда не бывает статическим, имеет перспективу развития. Формирование характера – сложный процесс, на который воздействуют внешние и внутренние факторы. К внешним относятся общественные изменения, житейские перипетии, общение персонажа с другими героями. К внутренним – скрытый анализ поступков, борьба идей и ценностных установок, то есть саморефлексия. Возникает логический вопрос: какой пункт в развитии характера считать отправным для типологизации в творчестве Л. Леонова? Например, Вадима Лоскутова можно рассматривать и как сурового и неприятельного сторон-

ника сталинского режима, уверенного в непогрешимости государственного строя и верховного властителя (ч. 2, гл. 9–10), тем самым сближая героя с молодежью «Русского леса», и как смятенного человека на грани психологического расстройств, осознавшего трагедию России и антигуманную изнанку террора во имя «светлого завтра» (разговор с Шаминым), человека, мучающегося мыслью и каждый момент бытия подвергающего тщательному «анатомическому» разбору. В той же степени разнополюсна судьба Маньки Вьюги – из чистой, искренней и непорочной девушки героиня превращается в мстительную, эгоцентричную, безразличную к людским страданиям женщину.

В беседе с В.Н. Станиславлевой Леонов говорил о необходимости обобщения, которое выразило бы «геометричность явления», «законченность, заключающую все, исследование каждого момента жизни» [12]. Заявленная «законченность, заключающая все» в произведениях Леонова достигается единством замысла писателя, определенностью авторской позиции. Именно авторское начало скрепляет, организует повествование, проясняет жизнь героев и их *релевантные* для произведения духовные качества, поэтому трактовка леоновской характерологии должна базироваться на том, *в какой степени и каким образом* тот или иной персонаж выражает авторскую позицию, раскрывает содержание, основную идею произведения. Таким образом, при типологизации характеров в прозе Леонова в первую очередь нами учитываются идейно важные стороны характера, являющие собой цельную, «законченную» в контексте авторского замысла личность.

Большинство значимых героев послевоенных романов Леонова оказываются подвержены обстоятельствам, серьезно воздействующим на них. Судьбоносные события в жизни героев порождают личностный надлом, способствуют изменению характера, появлению новых духовных ориентиров. При этом идейно и структурно авторский замысел опирается на «постпереломную» жизнь персонажа, его новоявленную сущность. Так, Митьку Векшина Леонов воспринимает сквозь призму его «железности», как человека, который «болеет за человечество», а ищет выхода лишь для себя. Писатель не берет в расчет чистоту юношеских отношений Векшина с Машей Доломановой, его революционную деятельность, драму самоопределения в условиях нэпа – он судит героя за жестокие и страшные поступки, за эгоизм и душевную черствость.

Подведем основные итоги. Классификация характеров в романах Леонида Леонова 1950–1990-х годов проводится на основании четырех принципов: общности доминантной черты характера (либо совокупности черт), проявляющейся в отношениях между героями, близости авторской оценки персонажей, принадлежащих к одному типу, степени «участия» («неучастия») героев в народной жизни, единства поэтических средств и приемов в рамках определенного типа. Построение типологии характеров леоновского творчества служит не только сугубо классификаторским целям: нахождение типологического единства героев необходимо для исследования мировоззренческих позиций художника как личности, его идей строения мира.

Пафос художественной деятельности Л. Леонова во многом заключен в противостоянии двух «сверхтипов» – *социоцентристов* и *персоноцентристов*, составляющих, по мнению писателя, важнейшие особенности человеческого духа, универсальные модели психосоциального поведения. Примерно равное соотношение персоноцентристов и социоцентристов в каждом из исследуемых нами романов подчеркивает акцентированность данной «сверхтипической» дихотомии в художественной концепции классика. Неизменное сочувствие Леонова персонажам-социоцентристам проясняет философско-

этический идеал писателя, выраженный в равнодушии к человеческой боли, в стремлении к жизни на благо общества, готовности к высокой жертве и терпеливому каждодневному труду ради счастья других людей. При этом динамика системы характеров в послевоенных романах Леонова иллюстрирует эволюцию взглядов писателя на окружающую действительность и перспективы развития современного общества: от сдержанного, иронически окрашенного оптимизма «Русского леса», сурового осуждения «воинствующего» индивидуализма «Вора» Леонов приходит к всепоглощающему скепсису «Пирамиды», ощущению предисходности нынешней цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Крылов В.П.** Особенности типизации характеров в прозе Л. Леонова. – Л., 1975. – 168 с.
2. **Одинокое В.Г.** Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского. – Новосибирск, 1981. – 145 с.
3. **Леонид Леонов. В воспоминаниях, дневниках, интервью** [Сборник]. – М., 1999. – С. 340.
4. **Лотман Л.М.** Реализм русской литературы 60-ых годов XIX века (Истоки и эстетическое своеобразие). – Л., 1974. – С. 92–103.
5. **Литературная энциклопедия терминов и понятий.** – М., 2001. – С. 60.
6. **Тургенев И.С.** Собрание сочинений: в 12 т. – Т. 12. – М., 1979. – С. 194.
7. **В защиту здравого смысла:** Диалог с Леонидом Леоновым, не опубликованный 7 лет назад // Известия, 1994, 21 сент. – С. 7.
8. **О Леонове** [Сборник]. – М., 1979. – С. 67.
9. **Леонов Л.М.** Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 9. – М., 1984. – С. 383.
10. **Гумилев Л.Н.** География этноса в исторический период. – Л., 1990. – С. 33.
11. **Франк С.Л.** Сущность и ведущие мотивы русской философии // Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды. – М., 1995. – С. 725.
12. **Станиславлева В.Н.** Л. Леонов – публицист: О своеобразии творческой индивидуальности художника. – М., 1974. – С. 198.

S U M M A R Y

The article deals with the problem of characters' typology in the novels by Leonov written in 50–90s.

Поступила в редакцию 20.10.2005